Глава 48

Столица в апреле погрузилась в весенние радости. Цвели персиковые деревья, а ивы стали зелеными.

Яблоки во дворце Жунхуа тоже зацвели, и изредка порхающие белые бабочки делали это место похожим на сказочную страну на земле. К сожалению, ценить это было некому.

Черные волосы свисали с деревянного стула. Ее глаза были закрыты в задумчивости, а муслиновое платье зеленого цвета облегало ее кожу. Время от времени теплый ветерок приподнимал ткань и закрывал половину ее лица, придавая сцене неземной вид.

Красота не была красотой смертной женщины.

Она могла уйти в любой момент…

Вэй Юи тщательно накрыл ее плащом.

Человек, который должен был спать, сразу же открыл глаза. Выражение удивления и ожидания сменилось выражением отвращения:

«Почему Ваше Высочество каждый день посещает дворец Бен Гонга Ронгхуа? Нет ли важных дел в императорском дворе?»

Вэй Юи давно привык к ее недружелюбному отношению и тепло ответил:

«Раз ты не спишь, не сиди здесь больше. Лучше отдохнуть внутри, чтобы не простудиться».

Сказав это, он с умелой легкостью понес ее.

Она сердито сказала, пытаясь вырваться из рук мужчины:

«Как дерзко!».

Когда ей не удалось вырваться, ее гнев превратился в тревогу. Она просто кусала его за шею, пока он не начал истекать кровью.

Вэй Юи не испугался. Он спокойно переступил порог и осторожно уложил ее на кровать.

Линьлан вытянула ногу и сильно пнула его, но человек даже не уклонился. Он позволил ей выдохнуть и сказал тихим голосом:

«Ты, должно быть, не ела. Как насчет того, чтобы я попросил шеф-повара приготовить что-нибудь для тебя?»

«Бен Гонгу это не нужно. Лучше катись отсюда!».

Она взяла нефритовую подушку рядом с собой и швырнула ее к двери.

Тяжелый предмет прошел мимо висков мужчины и рухнул позади него.

Кровь, стекающая по его лбу, затуманила зрение.

Постепенно распространялся ржавый запах.

«Почему ты не уклонился? Как ты думаешь, такой горький трюк заставит Бен Гонга почувствовать себя мягким?».

Она усмехнулась, ее тон был таким же безжалостным, как никогда.

Нет, кто сказал, что горькие уловки не действуют?

Вэй Юи ясно видел беспокойство в ее глазах.

Он стер некоторые пятна, но намеренно оставил рану без присмотра. Улыбаясь, он сказал:

«Большое спасибо вашему высочеству за милосердие».

Раньше она бы без колебаний ударила его ножом, но сейчас направление ее атаки было сознательно отклонено. Если это не было мягкосердечием, тогда что?

Грудь Вэй Юи была горячей.

Вскоре он вернулся с тарелкой дымящейся лапши.

На нефритовой чаше была нарисована живая картина рыб, играющих вокруг листьев лотоса. Молочно-белый суп посыпали зеленым луком, и от его аромата текли слюни.

«Сегодня твой день рождения. Изначально я планировал приготовить тебе подарок, но ... ты можешь не захотеть этого. Итак, я посоветовался с мастером и приготовил для тебя тарелку лапши долголетия».

«Э-э, я недавно узнал об этом. Возможно, мастерство не очень хорошее. Надеюсь, тебе это понравится».

Он застенчиво улыбнулся ей, как чистосердечный ученый, пытающийся доставить удовольствие человеку, который ему нравится.

«Но не волнуйся, шеф-повар сказал, что у меня есть талант в этой области. Я буду усерднее тренироваться и в будущем стану экспертом. К тому времени еда должна быть вкусной».

«О, я помню, ты упомянула, что любишь есть пирожные с персиковыми цветами и хрустальные пирожные. Сейчас я учусь у шеф-кондитера, но смогу приготовить их через несколько дней ...»

Линьлан опустила голову, и ее прекрасные ресницы скрыли ее эмоции.

Она сильно прикусила губы, как будто что-то переживала.

«Бен Гонг не будет есть. Уходи».

Он был удивлен на мгновение. Думая, что она, возможно, неправильно поняла его намерения, он быстро пояснил с некоторой тревогой:

«Я действительно ничего не клал внутрь. Если ты не веришь, я могу съесть это прямо сейчас!»

Вэй Юи сразу же взял свои палочки для еды, откусил два раза, только чтобы ошпарить себя до слез. Его весь рот покраснел и опух. Это было довольно печальное зрелище.

Когда Линьлан подняла глаза, она увидела две сосиски, ярко висящие на лице красивого

мужчины. Это создавало чрезвычайно резкий контраст.

Она не смогла сдержаться и испортила собственную работу, громко рассмеявшись.

Противник глупо уставился на нее, не понимая, что только что произошло.

О, черт возьми, душераздирающая операция этой сестры провалилась.

Женщина почувствовала себя немного раздосадованной. Если бы она знала раньше, то сделала бы все, чтобы сдержать смех. Теперь настроение пропало.

Он озадачено спросил:

«Ты смеялась?».

Лицо Линьлан сразу стало серьезным. Она с величайшей уравновешенностью вытерла слезы из уголков глаз:

«Ты, должно быть, ошибся».

«Бен Гонг смеялся?».

Она села прямо:

«Бен Гонг смеялся?».

Он послушно ответил:

«Нет!».

Линьлан почти произнесла «хороший мальчик», но изменила свои слова на:

«Еще не рано. Тебе лучше уйти».

«Хорошо, благородная супруга должен отдохнуть».

Он пристально посмотрел на нее, но через несколько мгновений неохотно открыл занавеску и ушел. Его фигура постепенно исчезла в коридоре.

Линьлан взяла миску и некоторое время нюхала ее. Вероятно, это было сделано на костном бульоне. Запах был очень насыщенным и аппетитным.

Она не могла не сделать несколько глотков.

Линьлан не знала, что человек, который ушел далеко, сделал поворот, забрался на ее крышу, а затем открыл зеленую плитку, чтобы проследить за ней.

Принц всю дорогу глупо улыбался.

Отлично.

«Наконец-то она готова съесть мою еду», - подумал он удовлетворенно.

Конечно, чтобы схватить женское сердце, нужно сначала схватить ее за живот.

Да, не зря читались эти странные народные сказки. Он вернулся и попросил своих людей подобрать для него еще несколько книг.

С тех пор ежедневный маршрут принца Вэя был таким: пойти во дворец Жунхуа, чтобы приготовить, залезть на крышу, чтобы заглянуть, вернуться в особняк, чтобы изучить рецепты, а затем спланировать восстание в ночи.

В этот день он открыл черепицу, чтобы украдкой взглянуть, когда услышал сильный кашель, доносящийся снизу.

Он замер.

Платок в ее руке был выкрашен в алый цвет.

После кровавых выделений человек шатался на ногах, как будто собирался упасть.

Сердце Вэй Юя сжалось. Он сразу же спрыгнул.

Этот громкий звук потряс Сюю, стоявшую на дежурстве снаружи. Она быстро распахнула дверь, но увидела принца в парчовой мантии, осторожно держащего Ее Высочество на кровати. Он приказал ей, не оглядываясь:

«Она потеряла сознание. Вызови врача прямо сейчас».

«Нет, не беспокойся».

Линьлан открыла глаза, ее тело было очень слабым.

«Это просто хроническая болезнь. Достаточно немного отдохнуть».

«Ваше высочество...».

«Ю'эр, ты сначала вернись, Бен Гонгу есть, что сказать принцу».

Линьлан утешила обеспокоенную дворцовую горничную, которая могла только поклониться и закрыть за собой дверь.

Взгляд Линьлан упал на покрытого грязью человека. Его лицо было повреждено обломками, а кожа в некоторых местах была разорвана, но он этого не заметил. Он только нервно посмотрел на нее, боясь, что никогда больше не сможет увидеть ее.

«У меня мало времени», - сказала она.

Ее голос был медленным и чистым, как будто она обсуждала что-то банальное.

Вэй Юи был потрясен. Откуда она знает?

Линьлан прищурилась, глядя на него:

«Неужели ты думал, что я не узнаю, если ты подкупишь дворцовых слуг и имперских врачей? Я не такая глупая, как ты, который может заблудиться по дороге».

Тон его возлюбленной был полон гордости. Для нее было редкостью непреднамеренное проявление такой близости.

Услышав, как она упоминает прошлое, глаза Вэй Юи постепенно покраснели.

Он ни разу не заблудился в дороге.

Чтобы девочке стало его жалко, он сознательно отделился от нее на улице и забился в угол, где ждал, пока она его найдет. Это было сделано для того, чтобы она могла пожалеть его, а затем дать ему больше возможностей предстать перед канцлером Чжоу.

Она тогда очень боялась.

После того, как она наконец-то нашла его, он даже не начал плакать. Вместо этого она была первой, кто плакал от всего сердца. Девушка так сильно плакала, что у нее поднялась высокая температура, которая длилась два дня, в течение которых она выкрикивала его имя во сне.

С тех пор каждый раз, когда они вдвоем выходили на улицу, девочка держала его за руку своими пухлыми ручками и говорила:

«Не волнуйся, брат. Ху’эр знает дорогу. Ху’эр не потеряет тебя ».

Ее прозвище было Ху'эр, но девочка не любила, чтобы люди называли ее так, потому что это звучало слишком банально.

Однажды ее подруга случайно назвала ее так, и разгневанная девушка больше никогда с ней не играла.

Он узнал об этом случайно.

Тогда он целый год называл ее Ху'эр. Со временем он стал единственным, кто мог называть ее этим именем.

Но позже...

Потом...

Сердце Вэй Юи внезапно забилось.

В то время как он был полностью поглощен своими эмоциями, мужчина внезапно почувствовал прохладное ощущение на своем лице.

Холодные пальцы нежно скользнули по его щекам.

Он был ошеломлен и мог только смотреть на нее.

Момент нежности казался нереальным. Его фигура отражалась в этих прекрасных темных глазах, а блестящие слезы добавляли туманный блеск.

«Я думала, что после того, как умру и превращусь в призрака, то обязательно найду тебя, чтобы отомстить».

Она пробормотала:

«Но я не могу этого вынести. Я не могу истощить то, что осталось от моей короткой жизни, стремясь отомстить человеку, который мне нравится. У меня не будет мира в моей загробной жизни».

«Я устала. Я больше не хочу спорить о добре и зле. Я хочу быть упорной до самого конца».

Пальцы Линьлан постепенно опустились и коснулись губ мужчины.

Они были мягкими и розовыми.

Он перестал дышать.

«В первый день праздника Весны я загадала у озера желание ... Хочешь знать, что это было?».

Ее мягкий, почти заботливый тон вызвал у него желание расплакаться.

Он улыбнулся, несмотря на то, что с его глаз уже текли слезы:

«Да».

«Ху'эр ... ты нравился больше всего».

Длинные черные волосы скользили по одежде пары, лаская и переплетаясь.

Красиво цвели яблони за окном. Словно наслаждаясь добрым сном, цветочная ветка тихонько протянулась внутрь и осела на столе.

Обвиняй меня в том, что я была слишком молода и не понимала настроения в твоих глазах, поэтому первый настоящий поцелуй, который мы разделили после взросления, был благословенным прощанием.

Благословляю тебя, пусть твой несравненный талант никогда не иссякнет.

Я благословляю себя, пусть я никогда больше не буду так сильно любить.

http://tl.rulate.ru/book/39147/1700821